

DOI: 10.12731/2077-1770-2020-4-323-343

УДК 811.1

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОБРАЗНЫХ СРАВНЕНИЙ СМЕХА И ПЛАЧА

Товкайло Ю.А.

Цель. В данной статье рассматриваются функционально-семантические особенности образных сравнений в составе сравнительных конструкций на примере образных сравнений смеха и плача.

Метод или методология проведения работы. Методологическую основу исследования составили следующие методы: метод сплошной выборки, сравнительно-сопоставительный, метод компонентного анализа, контекстуальный анализ.

Результаты. Статья посвящена детальному анализу сравнительных конструкций смеха и плача, раскрыта их структура, дана характеристика каждого компонента, классифицированы образные сравнения по особенностям их фреймовой структуры и лексической сочетаемости. Сделан вывод об универсальных, национально-специфических и гендерных признаках образных сравнений смеха и плача.

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть применены в сфере лексикологии, стилистики, функциональной семантики и когнитивной лингвистики.

Ключевые слова: смех; плач; сравнение; гендер.

FUNCTIONAL AND SEMANTIC FEATURES OF LAUGHTER AND CRYING FIGURATIVE COMPARISONS

Tovkaylo Yu.A.

This article discusses the functional and semantic features of figurative comparisons as part of comparative constructions based on figurative comparisons of laughter and crying. The introduction reveals the author's

position that laughter and crying are an antinomic couple, while laughter and crying culture were characteristically formed in many cultures, acquiring gender-specific characteristics. The relevance, purpose, object, scientific novelty and practical significance of the study are substantiated, the idea of the national-cultural significance of the comparative constructions of laughter and crying (based on example of the Russian and English languages) is put forward. The article is devoted to a detailed analysis of the comparative constructions of laughter and crying, their structure is disclosed, a characteristic of each component is given, figurative comparisons are classified by the features of their frame structure and lexical compatibility. The following scientific methods were applied: continuous sampling method, comparative method, component analysis method, contextual analysis. The conclusion is drawn about universal, national-specific and gender signs of figurative comparisons of laughter and crying.

Keywords: *laughter; crying; comparison; gender.*

Введение

Смех и плач как феномены человеческого бытия представляют собой синтез эмоционально-культурных особенностей личности, антинормичную пару, выражающую психологическое состояние и настроение индивида. Смеховая и плачевая культура сформировались во многих культурах и изучались исследователями весьма активно; относительно русской и европейской культуры сформировались разные позиции, обобщенно их можно представить следующим образом:

- 1) Русская культура – «бинарная», «диссонансная», «амбивалентная», сочетающая в себе национальные особенности русской смеховой и плачевой культуры. Русская смеховая и плачевая культура развивались параллельно, не обособленно друг от друга, занимая прочное место в истории становления русского менталитета [9; 10]. Русская культура в целом противопоставляется европейской как «гармоничной».
- 2) Доминантная основа русской культуры – плачевая. Под влиянием православной традиции плач в ней стал способом излияния души, формой исповеди, излияния души Богу,

«очищение» слезами. Русская смеховая культура в своем становлении и развитии противопоставлялась ей и всячески порицалась, воспринималась как «языческая», «греховная». При этом русская культура как плачевая в своей основе (восточная) противопоставляется, например, европейской (в том числе британской) как смеховой (западной).

- 3) Помимо этого, в различных трудах, например, И.В. Коныревой, выделяются характерные черты русской и европейской культур: русская – «иррациональная», «коллективная», «*женского типа*», европейская – «рациональная», «индивидуальная», «*мужского типа*» [10].

Несмотря на сложившееся противопоставление типов культуры русский/плачевой/женский – европейский/смеховой/мужской, в анализируемых нами языках – русском и английском – присутствует явное преобладание маскулинности, начиная с грамматической категории рода и заканчивая индивидуальным речевым кодом. Мужской род в обоих языках носит универсальный характер, выступая в качестве так называемого «общего» рода. Одним из показателей этого является его использование «для обозначения лиц любого пола или группы лиц разного пола» [23, с. 225]. «Гендерная стереотипизация фиксируется в языке, тесно связана с выражением оценки и влияет на формирование ожиданий от представителей того или другого пола определенного типа поведения» [12, с. 174].

По нашему мнению, не совсем верным является и отнесение смеховой культуры к мужскому типу. В предыдущих исследованиях мы уже отмечали, что женщины в присутствии мужчин смеются гораздо чаще, проявляя тем самым кокетливое поведение и показывая свою заинтересованность или напротив показывая свою доминирующую роль по отношению к мужчине, пытающемуся завладеть их вниманием (насмешница, хохотушка / хохотунья). Однако это не просто расположенность к смеху в присутствии лиц противоположного пола, мужчина выступает инициатором, демонстрируя свои различные положительные качества, в том числе чувство юмора, в то время как женщины просто отвечают смехом,

что воспринимается мужчинами как одобрение их действий. «Смешливость» в коммуникативном поведении девочек также отмечали А. Хаас [25] и С. Эдельски [24] при анализе общения смешанных пар детей. А. Хаас приходит к выводу, что в смешанной паре мальчики выступают инициаторами шуток, поэтому смех девочек в их присутствии звучал вдвое чаще, чем при общении девочек друг с другом, при этом именно девочки подстраивались, приспособливались под мальчиков.

Вышесказанное подтверждает тот факт, что представители обоих полов корректируют свое поведение в присутствии друг друга. Ситуация кокетливого общения / флирта, одна из тех редких, в которых женщина зачастую занимает доминирующую позицию, в то время как обычно она принадлежит мужчинам [2].

С. Эдельски проверяла способность детей распределять слова-маркеры, характерные для женского и мужского стиля общения, помимо прочих в состав женского стиля вошли такие слова, как: *adorable, beautiful* и др.; мужского – *Damn it!* Примечательно, что именно они были выбраны в качестве названия произведения Фрэнсиса Скотта Фицджеральда «Прекрасные и проклятые» (ориг. «*The Beautiful and Damned*»), в котором особое место занимает раскрытие общения персонажей разных полов друг с другом, а также становление и разрушение романтических отношений между ними. Особый интерес представляет семейная пара главных героев, события, происходящие с ними, затрагивают их обоих, различна именно реакция. В соответствии с проведенными нами статистическими подсчетами количество эпизодов плача и смеха с субъектами разных полов в романе «*The Beautiful and Damned*» составляет следующее соотношение:

- 1) эпизоды плача: женщины – 15 эпизодов, мужчины – 7 эпизодов, из них совместных несмешанных – 0, совместных смешанных – 1 эпизод.
- 2) эпизоды смеха: 21 эпизод – женщины, 32 – мужчины, совместных несмешанных – 5 эпизодов (2 эпизода – женщины и 3 эпизода – мужчины), совместных смешанных – 10 эпизо-

дов. Коллективные, массовые проявления эмоций, связанные с крупными событиями в жизни больших групп людей, мы здесь не рассматриваем. Таким образом, можно судить как минимум о неоднородности эпизодов плача и смеха у представителей разных полов.

Гендерные особенности пронизывают языки, обращаются к самой их сути, к истокам. Индивидуальный речевой код складывается из совокупности не только физиологических и психологических признаков индивида (базовых параметров), но и социальных, национальных и других аспектов его существования и деятельности. Оппозиция мужских и женских вариантов языка характерна для многих языков, которую В.М. Алпатов смело называет «древнейшим типом дифференциации языка» [1, с. 58]. Многие исследователи занимались поиском и реконструкцией гендерных признаков единиц различных уровней, отдавая приоритет грамматическому и лексическому. В отличие от уже существующих научных изысканий, в которых преимущественно изучается мужская и женская речь и способы восприятия ими действительности, мы проанализируем сравнительные конструкции, которые по своей природе уже представляют опосредованное восприятие объекта субъектом с учетом гендерных особенностей, в исследовании будет учтен и рефлексивный характер – восприятие субъектом самого себя.

Выявить и переосмыслить устоявшиеся отношения между объектами и раскрыть, выразить особенности народного мировидения помогают образные сравнения. Сравнительная конструкция включает в себя несколько компонентов. Мы выделяем субъективную сторону сравнения, подразумевая под ней того, кто сравнивает и его характеристики, объективную сторону сравнения – тот, кого сравнивают и его характеристики, сравнительный образ – то, с чем сравнивается объект (эталон – Г.Л. Денисова [7]) и сравнительные признаки – по каким характеристикам определяется сходство между образом и объектом.

Актуальность данного исследования обусловлена тем фактом, что оно включается в круг вопросов, посвященных изучению фрагментов языковой картины мира, проводится на стыке отдельных фи-

лологических дисциплин, синтезирующих когнитивный и лингвокультурологический подходы к явлениям языка, множественностью и разноплановостью аспектов рассмотрения русской и английской национальных языковой картины мира и сравнительно-метафорических образов их составляющих.

Цель

Цель нашего исследования заключается в выявлении функционально-семантических особенностей сравнительных конструкций смеха и плача, в определении их способности служить средством экспликации компонентов когнитивных сценариев смеха и плача, реконструируемых на основе русскоязычных и англоязычных художественных текстов.

Объектом настоящего исследования является функционирование и семантика сравнительных конструкций смеха и плача, предметом – заключенные в них сравнительно-метафорические образы как фрагменты национальных языковых картин мира.

Метод или методология проведения работы

Методологическую основу исследования составили следующие методы: метод сплошной выборки, сравнительно-сопоставительный, метод компонентного анализа, контекстуальный анализ. Отметим, что метод компонентного анализа является ведущим в лексикологии и семантике, т.к. является одним из наиболее универсальных и надежных методов семантических исследований и имеет широкую сферу применения.

Научная новизна исследования

Компаративные конструкции и содержащиеся в них образы сравнения неоднократно становились объектом филологического изучения, филологами были исследованы роль и функции образных сравнений не только в языке в целом [19; 20; 21; 22; 8; 14], но и в творчестве отдельных писателей [3; 15], был издан «Словарь сравнений и сравнительных оборотов в русском языке» [4]. В статье М.В. Сторчак сравне-

ния изучались с позиции реализации ими единиц лексико-семантического поля «смех» [17], компаративные конструкции смеха и плача и содержащиеся в них образные сравнения русского и английского языка в сопоставлении с учетом функционально-семантических особенностей, в частности гендерных, ранее не были исследованы.

Данная статья носит обобщающий характер, излагает основные результаты проведенного исследования, в которой последовательно излагаются основные характеристики сравнительных конструкций смеха и плача, под которыми мы понимаем сравнительные конструкции, используемые в ситуации, когда субъект действия смеется или плачет, автором, участником коммуникативной ситуации или самим субъектом.

Область применения результатов

Практическая ценность работы связана с потенциальной возможностью применения результатов проведенного исследования в рамках изучения лексикологии, стилистики, функциональной семантики, когнитивной лингвистики, в сравнительно-сопоставительном анализе русского и английского языков.

Результаты

Уточняем, что сравнительный анализ синтаксиса сравнительных конструкций русского и английского не является объектом нашего исследования. Мы выбрали в качестве материалы объекты сравнения в сравнительных конструкциях, потому что именно в их семантике закреплено представление о том, как должен выглядеть плачущий / смеющийся человек, как его воспринимают окружающие, оценивая его действия положительно или отрицательно. В центре нашего внимания ограничения употребления сравнительных конструкций смеха и плача, субъектно-объектные отношения, раскрывающиеся в них, и фреймовая структура понятийных сфер плача и смеха, реконструируемая при помощи образных сравнений.

Ограничения. Сравнительные конструкции смеха и плача не универсальны, они имеют определенные ограничения на выбор

субъекта (лексико-грамматические или категориально-грамматические). В рамках данной статьи мы анализируем образные сравнения с конкретными одушевленными объектами и различными метафорическими образами (эталонами с положительной и отрицательной коннотацией). Образное сравнение – ценный источник, содержащий сведения о культуре, мировосприятии как индивидуума, так и этнической общности людей, нации. В русском и английском языках сравнительные конструкции смеха и плача представлены союзными единицами, употребляемыми в сравнительных оборотах, однако сравнение с одушевленным объектом предполагает ограниченное их использование, в число которых входит: *как, будто, словно, точно, like, as*. В русском языке также можно встретить синонимичные конструкции с творительным падежом: *реветь как белуга / реветь белугой*.

Субъектно-объектные отношения. В рамках ситуаций смеха и плача сравниваются сами ситуации со схожими и их отдельные компоненты. Сравнение осуществляется субъектом, который проводит аналогии между ситуацией, реальным объектом, его признаками и характером совершаемого действия, и устоявшимся образом смеющегося/плачущего объекта, продуцирующим метафорические смыслы. Сравнение всегда опосредовано и носит оценочный характер, т.к. активное действие совершает не субъект сравнения, а субъект самой ситуации.

Фреймовая структура понятийных сфер плача и смеха. Мы исходим из предположения, что фреймовая структура понятийных сфер плача и смеха имеет сходные исходные данные. Под фреймом мы понимаем структуру данных для представления стереотипной ситуации [26]. По итогам проведенного анализа нами были выделены следующие фреймы: возраст, пол, нарушение эмоционального / психологического равновесия, глупость, самооценка, род деятельности, зооморфический образ, натуроморфический образ.

Возраст и пол. Фрейм *возраст* в сравнениях смеха и плача мы выделяем на основании того, что в текстах представлено большое количество сравнений с детьми. Детям свойственно открытое проявление

эмоций, они смеются и плачут: *«Там он стал сзади своих учеников и внимательно смотрел за тем, как они себя вели: <...> толкались, шептались, смеялись, безобразничали»* (Ф. Сологуб. Мелкий бес).

К возрастным характеристикам в ситуации плача следует отнести базовые образы (ребенок, дитя/дитё, младенец/мальш, маленький/-ая/ baby), но и гендерно детерминированные (девочка/девчонка, мальчишка, парнишка / boy, girl), а также образы с дополнительными элементами (несмышленный, наказанный, разочарованный ребенок / silly, little). *«Early evening, driving up Western Avenue in my car alone, crying like a little baby girl with colic <...>»* (Ferrare M. Yong Drunks in Love). При этом в сознании говорящего существует четкое представление о противопоставлении плачевого поведения ребенка и взрослого человека: *«Обычно он плакал как ребёнок, чтобы видели, и сочувствовали, и утешали. Это был плач-давление. А сейчас он плакал как мужчина. Прятал лицо»*. (Токарева В. Своя правда) Противопоставление взрослого и юношеского возраста: *Твердый, благоразумный, убеленный сединами, охлажденный летами, Алимари рыдал, как дитя, как юноша, лишившийся подруги своего сердца* (Греч Н.И. Черная женщина). Несмотря на то, что это два исключительных примера, характеризующих плач мужчины, мы выделяем фрейм *пол*, чтобы противопоставить эти случаи сравнениям с образами-женщинами (женщина, баба, барышня, мама), которые встречаются в текстах гораздо чаще.

Фрейм *возраст* в сравнениях смеха представлен схожими единицами, обозначающими младший возраст, однако их существенно меньше: ребенок, дитя (дитё), мальчик/девочка (по отношению к субъекту соответствующего пола). Это не означает, что лексические единицы, употребляемые в сравнительных конструкциях плача, не могут быть использованы в конструкциях смеха с позиции сочетаемости.

Фрейм *пол* в сравнительных образах смеха представлен не так широко, т.к. здесь не так четко прослеживается гендерная принадлежность смеха. В сознании носителей русской и английской культур не закреплен на языковом уровне сравнительный образ смеющегося мужчины и смеющейся женщины, обладающий явны-

ми отличительными характеристиками. Смех в коммуникативном поведении обеих культур находится в иной плоскости, регулируется по признаку уместности/неуместности. Неуместным признается смех в целом в неподходящей ситуации или чересчур громкий смех, привлекающий лишнее внимание. Женский и мужской смех различаются по тембру и звонкости, но в сравнениях это не является релевантным признаком, однако частные случаи употребления этого противопоставления следует упомянуть: *«Нечаев смеялся, как девушка, словно горох сыпал, и по-девичьи тоненько взвизгивал»* (Шолохов М.А. Поднятая целина). Таким образом, различие имеет место быть, но не получило закрепления и широкого распространения в компаративных конструкциях. В целом следует говорить о превалировании феминных образов над маскулинными, т.е. сам принцип формирования плачущего/смеющегося мужчины строится на противопоставлении его женскому или сравнению с ним, при этом сравнительные конструкции «плакать как мужчина» («cry like a man») и «смеяться как мужчина» («laugh like a man») и подобные не получили закрепления ни в одном из анализируемых языков. Это не значит, что, например, мужские слезы (male tears и manly tears) совсем исключены или табуированы, мужские слезы в целом как явление, а также современное представление о них в коммуникативном пространстве мы проанализировали в другой статье [18].

Нарушение эмоционального/психологического равновесия. Данный фрейм представлен в обоих языках прилагательными, при этом для мужчин и женщин эти характеристики используются в равной степени, как в ситуации смеха, так и в ситуации плача: *ненормальный/-ая, слабонервный/-ая, безумный/-ая, сумасшедший/-ая, mad, half-brains, crazy: «We both cry like mad».* (Smith A. Girl meets boy) *«I wanted to run away like we had the day before, laughing like half-brains»* (Raisin R. God's Own Country).

Алкогольное опьянение воспринимается как близкое нарушению эмоционального/психологического равновесия. *«Он рыдал как пьяница. Пьяные слезы душили его, текли по лицу и попадали в рот, искривленный рыданиями. Он едва мог говорить».* (Гаршин В. Происше-

стве) *«Тот смеялся, как пьяный, и говорил с трудом, точно бредил: - Вся в ореоле, пчелка. Работаешь»* (Акимов П. Плата за страх).

Глупость. Данный фрейм представлен следующими лексическими единицами, характеризующими низкий уровень интеллектуального развития, дура/ дурак, идиот/-ка, глупый, глупец / stupid, fool, idiot. *«Вика слушала меня и смеялась, как дура. Может быть, она и хотела бы поехать со мной, но, слава богу, у нас с ней разные дети»* (Голованов В. Эти квартиры). *«Пальцем не пошевелил, только плакал, как дурак, и не мог даже заработать столько, чтобы любимая женщина не сделалась кухаркой»* (Станюкович К.М. Оригинальная пара). *«You make a great mistake, if you think it improves your eyes to cry like a fool!»* (Salinger J.D. The Catcher in the Rye). Как и единицы фрейма *нарушение эмоционального/психологического равновесия* все они характеризуют действия субъекта как *отрицательные*.

Самооценка. В ситуации смеха и плача субъект характеризует сам себя (фрейм *самооценка*), он обращается к нейтральным образам или же к отрицательным (*нарушения эмоционального равновесия, глупости*): *«Я забыл сказать, что «Вертер» меня занимал почти столько же, как «Свадьба Фигаро»; половины романа я не понимал и пропускал, торопясь скорее до страшной развязки, тут я плакал, как сумасшедший»*. (Герцен А.И. Былое и думы). Нам не встретилось ни одного случая, когда субъект описывал себя как плачущего или смеющегося, используя положительные характеристики. Чаще всего описания субъектом его поведения осуждается им самим, он его стыдится: *«И так у меня, Ваня, в иной момент сердце сжимается, что присяду я над этим Борькой и плачу, как дура, сама не знаю, от радости или от горя, а скорее от того и другого»* (Войнович В. Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина).

Мужчины порицают слезы как слабость, свойственную женщинам: *«Помолчав немного, солдат продолжал: «Извините меня, г. поручик, что я плачу, как женщина, более 20 лет служу Франции, а в эти годы привык почитать службу матерью, а доброго начальника отцом. Граф де Серваль...»* (Бестужев Н.А. Русский в Париже 1814 года).

Мужчины предпочитают оставаться сильными духом и непоколебимыми, поэтому свои слезы они воспринимают как что-то исключительное, а их причину более знаменательной: *Да, ты меня любила, Вера! никто на свете меня не разуверит – никто не вырвет у меня из души воспоминаний о моем единственном блаженстве! О, как оно было полно, восхитительно, необъятно... видишь, видишь слезы... не изобретено еще муки, которая бы вырвала такую каплю из глаз моих... а теперь плачу, как ребенок, плачу... когда вспомнил, что был один раз в жизни счастлив. (Упадает на колени и хватается ее руки.) О, позволь, позволь мне по крайней мере плакать.* (Лермонтов М.Ю. Два брата)

Род деятельности. В обеих культурах существует особая профессия, возникшая в очень давние времена, – плакать. Плакальщицы и плакальщицы (англ. mourners, weepers) занимают прочное место в похоронных обрядах, т.к. слезы обнаруживают прочную связь с горем, а горе со смертью в русской и английской культуре (здесь мы под ней понимаем общие начала британской и американской культур): *«И вдруг заголосила Ирина Скобцева, как плакальщица на похоронах. Вам не надо <...> И Нонке, и тебе выступить противопоказано... – хлопает Скобцева»* (Мордюкова Н. Казачка). Для плакальщиц характерные определенные ритуальные действия: *Но она вцепилась, как плакальщица в угол гроба, и не отпустила* (П. Алешковский. Жизнеописание Хорька). *Mourners came out through the gates: woman and a girl. Leanjawed harpy, hard woman at a bargain, her bonnet awry. Girl's face stained with dirt and tears, holding the woman's arm looking up at her for a sign to cry. Fish's face, bloodless and livid.* (Joyce J. Ulysses)

В русской культуре обряд оплакивания умершего считается женским обрядом, однако в европейской были распространены и мужские. Однако в других культурах не только плач является обязательным атрибутом похоронного обряда, но и смех, что было характерно, например, для древних жителей острова Сардиния, традиционно убивавших стариков и инвалидов под так называемый «сардонический» смех.

Зооморфические сравнения. К зооморфическим образам плача в русском языке относятся корова (вол, буйвол), белуга, также можно встретить сравнения с собакой и больным или загравленным животным (по аналогии с характерным воем и измождённым состоянием, характерным в этих случаях) и крокодилом (по аналогии с фразеологизмом «крокодиловы слезы»). *«Я обещаю им полтора миллиона самых жирных мух... Я буду рыдать, как одинокая корова, стонать, как больная курица, плакать, как крокодил».* (Толстой А.Н. Золотой ключик, или приключения Буратино)

Примечательно, что корова и белуга как самые распространенные из представленных, являются существительными женского рода, однако сочетание V_n (глагол плача) + *как корова* является гендерно детерминированным (о женщинах) [13], а V_n + *как белуга* нет, т.к. по результатам наших подсчетов, число его употреблений в сравнительных конструкциях по отношению к мужчинам и женщинам примерно одинаково. *«– Не надо, – взмолилась Полина Ивановна. – Вашими словами я ещё могу вынести, а его - нет. Реву, как корова ненормальная»* (Грекова И. Скрипка Ротшильда).

Устойчивое сочетание русского языка *реветь белугой* (прост.) в его трансформировавшемся, однако не менее употребительном варианте *реветь как белуга*, является уникальным и не имеет эквивалента в английском языке, вызывая недоумения в обыденном представлении и самим русскоговорящих. Белуга/белуха – это полярный дельфин, издающий звук, похожий на рев: *«В тот вечер Нюра впервые отлупцевала сына, редела в голос, как белуга, от слез опухла, но и крестила Акимку кожаной опояской, не щадя <...>»* (Личутин В. Вдова Нюра). А. Подвысоцкий пишет, что иногда этого зверя также называли «морская корова» [16]. В современном русском языке произошло разграничение этих слов, белуга – это рыба, а белуха – полярный дельфин [11].

В русском языке представлены наиболее часто встречаются зооморфические образы, употребляющиеся в сравнительных конструкциях смеха с глаголом *ржать*: лошадь, конь, жеребец, жеребенок. *В тот вечер я вообще смеялся больше, чем следует. Агния спрашивала меня, хорошо ли командовать батальоном, – я хох-*

тал, Агния упрасивала меня продекламировать что-нибудь по-немецки – я ржал, как жеребец (Ефремов. А. Любовь и доблесть Иохима Тишбейна). «Он был малого роста, курчав, губаст, и когда смеялся, то ржал, как жеребенок» (Нарежный В. Т. Бурсак).

Употребление зооморфического образа является относительно детерминированным родовой принадлежностью, такие лексические единицы, как конь, жеребец и жеребенок, употребляются только по отношению к субъекту-мужчине, в то время как лошадь используется как сравнительный образ для субъектов обоих полов: «Несколько дней назад этот анекдот выдал по телефону Трубников. И сам ржал, как лошадь» (Богдан А., Прашкевич Г. Человек «Ч»).

К индивидуально-авторским зооморфическим образам можно отнести пример, встретившийся нам в повести М.П. Арцыбашева: «Толстый биржевик, растянув почти на грудь сочный мокрый рот, чокался и ржал, как толстое Сытое животное на случке» (Арцыбашев М.П. Миллионы).

К зооморфическим образам смеха в английском языке относятся *monkey* и разновидности этих животных (наиболее часто встречающееся сравнение с *baboon*), *hyena*, *horse*. «*Whinnies like a horse when he laughs, shouts abuse at the servants and is pickled most of the time*» (Carol K. Carr. *India Black and the Widow of Windsor*). «*I set the book down, and laughed like a monkey*» (Raisin R. *God's Own Country*). «*William and George laughing like hyenas, Bobby braying and rubbing his hands together as if it were thirty degrees instead of sixty, Bruce laughing his goading laugh like baboon's* <...>» (Sullivan B. *Eleven Miles South of Half Moon Bay*).

Несмотря на то, что в русском языке не используется сравнительная конструкция «смеяться как гиена», в интернет-пространстве, в том числе и в российском сегменте среди молодежи, сложился образ человека-гиены, который имеет определенные особенности. Пятнистые гиены издают характерные звуки, наиболее приближенные к тому, что мы привыкли называть смехом, поэтому именно этот вид называли смеющейся гиеной. В кинематографе и мультипликации их часто изображают смеющимися, вспомним, например,

гиен из «Короля льва». При просмотре видеороликов на сервисе YouTube можно встретить любительские видео, в которых одним из основных участников выступает человек за кадром, который смеется над происходящим высоким голосом (зачастую он это делает вместо того, чтобы помочь пострадавшим, например, в результате неудачного пранка / розыгрыша), благодаря чему и возник образ человека-гиены, для которого характерен смех злорадный, смех человека, который радуется чужим неприятностям (Schadenfreude).

Натуроморфические сравнения. В английском языке существует уникальное натуроморфическое сравнение *laugh like a drain* 'громко смеяться' (метафорическое сравнение со звуком воды в водосточных трубах). О.А. Гусева в статье 2016 г. переводит это сравнение «смеяться как сточная канава» [5, с. 137], однако в статье 2018 г. использует, на наш взгляд, более точный буквальный перевод конструкции «смеяться как водосток» [6, с. 80]. В русском языке натуроморфические сравнения смеха и плача не представлены. Это можно объяснить тем, что смех и плач подразумевают активные действия, поэтому наиболее продуктивными оказались другие фрагменты языковой действительности, метафорические модели по отношению к неодушевленным объектам, когда им приписывают действия, совершаемые человеком (дождь плакал, солнце смеялось), а не наоборот. Модели построения сравнений, связанных с живой природой (антропоморфические и зооморфические) в русском и английском языках наиболее продуктивные.

Заключение

Таким образом, сравнительные конструкции смеха и плача носят эмоционально-символический характер, повышают выразительность текста и отражают отношение субъекта ситуации к объекту, которое варьируется в диапазоне от презрения и сочувствия до восхищения. Сравнительные конструкции смеха и плача отражают гендерные особенности взгляда на мир и восприятия представителей противоположного пола, а также национальную образную систему культуры и языка. Сравнительные образы, представленные в

конструкциях, употребляются преимущественно при передаче отрицательной оценки действий, совершаемых субъектом (смеха или плача), или при характеристике субъектом собственных действий.

Список литературы

1. Алпатов В.М., Крючкова Т.Б. О мужском и женском вариантах японского языка // Вопросы языкознания. М., 1980. № 3. С. 58–68.
2. Гендер и язык / Московский гос. Лингвистический ун-т; Лаборатория гендерных исследований. М.: Языки славянской культуры, 2005. 624 с.
3. Головинова Н.В. Сравнения в творчестве М.Ю. Лермонтова: гендерный аспект // Филологические науки: Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2009. № 2 (4). С. 97–101.
4. Горбачевич К.С. Словарь сравнений и сравнительных оборотов в русском языке: около 1300 словарных статей. М.: ООО «Издательство АСТ»; ООО «Издательство Астрель»; ЗАО НПП «Ермак», 2004. 285 с.
5. Гусева О.А. Механизмы языкового представления основных характеристик смеха как вербальной реакции // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2016. №13 (752). С. 136–141.
6. Гусева О.А. Устойчивые словосочетания с ключевым компонентом «смех» (на материале английского и русского языков) // Материалы международной научной конференции «Полипарадигмальные контексты фразеологии в XXI веке». Издательство: Тульское производственное полиграфическое объединение. 2018. С. 78–82.
7. Денисова Г.Л. Когнитивный механизм сравнения в немецком языке: автореф. дисс. ... д. филол. н. Самара, 2009. 34 с.
8. Карцевский С.О. Сравнение // Вопросы языкознания. 1976. №1. С. 107–112.
9. Кондаков И.В. Введение в историю русской культуры. М.: Аспект Пресс, 1997. 687 с.
10. Конырева И.В. Смех и плач как основания построения типологии культуры // Исторические, философские, политические и юридиче-

- ские науки, Культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 2 (8): в 3-х ч. Ч. III. 213 с.
11. Люстрова З.Н., Скворцов Л.И., Дерягин В.Я. Другим русскому языку (Книга о развитии современного русского языка, о его месте в социалистической культуре). М.: Знание, 1982. 160 с.
  12. Милованова М.В., Максимова В.Е. Гендерные стереотипы и средства их выражения в речи молодежи // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2, Языкознание. 2011. № 2 (14). С. 174–178.
  13. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских народных сравнений. М.: ЗАО «ОЛМА МедиаГрупп», 2008. 798 с.
  14. Некрасова Е.А., Бакина М.А. Языковые процессы в современной русской поэзии. М.: Наука, 1982. 311 с.
  15. Садовников С.А. Сравнение как паралогический приём в творчестве А.П. Платонова // Universum: Филология и искусствоведение: электрон. научн. журн. 2018. № 4(50). С. 8–9.
  16. Словарь областного Архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении / Сост. А.О. Подвысоцкий. СПб.: 2-е Отд-ние Акад. наук, 1885. 198 с.
  17. Сторчак М.В. Сравнение как средство экспликации семантики единиц лексико-семантического поля СМEX: (На материале современной англоязычной прозы) // Филол. науки. Вopr. теории и практики. Тамбов, 2015. № 1-2 (43). С. 188–191.
  18. Товкайло Ю.А. Ментальный образ слез (tears) в языковом сознании (на примере русского и английского языков) // МНКО. 2019. №6 (79). С. 686–689.
  19. Томашевский Б.В. Сравнение // Стилистика. Л.: Наука, 1983. С. 204–216.
  20. Тулина Т.А. О способах эксплицитного и имплицитного выражения сравнения в русском языке // Философско-исторические науки. 1973, № 1. С. 51–62.
  21. Федосеева Н.С. Функционально-семантическое поле сравнения в современном немецком языке. автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 1997. 22 с.
  22. Черемисина М.И. Сравнительные конструкции современного русского языка. Новосибирск: Наука, 1976. 267 с.

23. Черкесова З.В. Проблема гендера во французском языке: лексический и грамматический уровни // Современные исследования социальных проблем. 2018, Том 10, № 4 С. 224–235.
24. Edelsky C. The acquisition of communicative competence: recognition of linguistic correlates of sex roles // Merrill-Palmer Quarterly. 1976. no 22, pp. 47–59.
25. Haas A. Sex-associated features of spoken language by four-, eight-, and twelve-year-old boys and girls. // Paper given at the 9th World Congress of Sociology. Uppsala, Sweden. August 1978, pp. 14–19.
26. Minsky M. A. Framework for Representing Knowledge // The Psychology of Computer Vision/ Patrick Henry Winston (ed.). McGraw-Hill, New York (U.S.A.), 1975, pp. 71–77.

References

1. Alpatov V.M., Kryuchkova T.B. O muzhskom i zhenskome variantah japonskogo jazyka [On male and female versions of the Japanese language]. *Voprosy jazykoznanija*. M., 1980. no. 3, pp. 58–68.
2. *Gender i jazyk* [Gender and language]: Moskovskij gos. Lingvisticheskij un-t; Laboratorija gendernyh issledovanij. M.: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2005. 624 p.
3. Golovinova N.V. Sravnenija v tvorcestve M. Ju. Lermontova: gendernyj aspekt [Comparisons in the works of M.Yu. Lermontov]. *Filologicheskie nauki: Voprosy teorii i praktiki*, Gramota, 2009. No. 2 (4), pp. 97–101.
4. Gorbachevich K.S. *Slovar' sravnenij i sravnitel'nyh oborotov v russkom jazyke: okolo 1300 slovarnyh statej* [Dictionary of comparisons and comparative turns in the Russian language: about 1300 entries]. M.: OOO "Izdatel'stvo AST"; OOO "Izdatel'stvo Astrel"; ZAO NPP "Ermak", 2004. 285 p.
5. Guseva O.A. Mehanizmy jazykovogo predstavlenija osnovnyh harakteristik smeha kak verbal'noj reakcii [The mechanisms of linguistic representation of the main characteristics of laughter as a verbal reaction]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki*, 2016, no 13 (752), pp. 136–141.

6. Guseva O.A. Ustojchivye slovosochetaniya s kljuhevym komponentom “smeh”(na materiale anglijskogo i russkogo jazykov) [Stable phrases with the key component “laughter” (based on English and Russian languages)]. *Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii «Poliparadigmal'nye konteksty frazeologii v XXI veke»* [Materials of the international scientific conference “Polyparadigmatic contexts of phraseology in the XXI century”]. Izdatel'stvo: Tul'skoe proizvodstvennoe poligraficheskoe objedinenie. 2018, pp. 78–82.
7. Denisova G.L. *Kognitivnyj mehanizm sravnenija v nemeckom jazyke* [Cognitive mechanism of comparison in the German language]: avtoref. diss. kand. filol. nauk. Samara, 2009. 34 p.
8. Kartsevsky S.O. Sravnenie [Comparison]. *Voprosy jazykoznanija*. 1976, no 1, pp. 107–112.
9. Kondakov I.V. *Vvedenie v istoriju russkoj kul'tury* [Introduction to the history of Russian culture]. M.: Aspect Press, 1997. 668 p.
10. Konyreva I.V. Smeh i plach kak osnovanija postroenija tipologii kul'tury [Laughter and crying as the basis for building a typology of culture]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, Kul'turologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov: Gramota, 2011, no 2 (8): part III. 213 p.
11. Lyustrova Z.N., Skvortsov L.I., Deryagin V.Ya. *Druz'jam russkogo jazyka (Kniga o razvitii sovremennogo russkogo jazyka, o ego meste v socialisticheskoj kul'ture)* [To the friends of the Russian language (a book on the development of the modern Russian language, about its place in socialist culture)]. M.: Znaniye, 1982. 160 p.
12. Milovanova M.V., Maksimova V.E. Gendernye stereotypy i sredstva ih vyrazhenija v rechi molodezhi [Gender stereotypes and means of their expression in youth speech]. *Vestn. Volgogr. gos. un-ta. Ser. 2, Yazykoznanije*. 2011, no. 2 (14), pp. 174–178.
13. Mokienko V.M., Nikitina T.G. *Bol'shoj slovar' russkih narodnyh sravnenij* [A large dictionary of Russian folk comparisons]. M.: ZAO «OLMA MediaGrupp», 2008. 798 p.
14. Nekrasova E.A., Bakina M.A. *Jazykovye processy v sovremennoj russkoj poezii* [Language processes in modern Russian poetry]. M.: Nauka, 1982. 211 p.

15. Sadovnikov S.A. Sravnenie kak paralogicheskiy priyom v tvorchestve A.P. Platonova [Comparison as a paralogical device in works of A.P. Platonov]. *Universum: Filologija i iskusstvovedenie*, 2018, no. 4 (50), pp. 8–9.
16. *Slovar' oblastnogo Arhangel'skogo narechija v ego bytovom i jet-nograficheskom primenenii* [Dictionary of the regional Arkhangelsk dialect in its domestic and ethnographic application]. SPb.: 2-e Otd-nie Akad. nauk, 1885. 198 p.
17. Storchak M.V. Sravnenie kak sredstvo jeksplikacii semantiki edinic leksiko-semanticheskogo polja SMEH: (Na materiale sovremennoj anglojazychnoj prozy) [Comparison as a means of explicating the semantics of units of the lexical-semantic field LAUGHTER: (Based on the material of modern English-language prose)]. *Filol. nauki. Vopr. teorii i praktiki*. Tambov, 2015, no 1-2 (43), pp. 188–191.
18. Tovkaylo Yu.A. Mental'nyj obraz slez (tears) v jazykovom soznanii (na primere russkogo i anglijskogo jazykov) [The mental image of tears in the linguistic consciousness (on the example of Russian and English)]. *MNKO*, 2019, no 6 (79), pp. 686–689.
19. Tomashevsky B.V. Sravnenie [Comparison]. *Stilistika* [Stylistics]. L.: Nauka, 1983, pp. 204–216.
20. Tulina T.A. O sposobah jeksplitsitnogo i implicitnogo vyrazhenija sravnenija v russkom jazyke [On the methods of explicit and implicit expressions of comparison in the Russian language]. *Filosofsko-istoricheskie nauki*. 1973, no. 1, pp. 51–62.
21. Fedoseeva N.S. *Funkcional'no-semanticheskoe pole sravnenija v sovremenennom nemeckom jazyke* [Functional-semantic field of comparison in modern German]: kand. diss. ... filol. nauk. Nizhny Novgorod, 1997. 22 p.
22. Cheremisina M.I. *Sravnitel'nye konstrukcii sovremennogo russkogo jazyka* [Comparative constructions of the modern Russian language]. Novosibirsk: Nauka, 1976. 267 p.
23. Cherkesova Z.V. Problema gendera vo francuzskom jazyke: leksicheskij i grammaticheskij urovni [The problem of gender in the French language: lexical and grammatical levels]. *Sovremennyye issledovanija social'nyh problem*. 2018, V. 10, no 4, pp. 224–235.

24. Edelsky C. The acquisition of communicative competence: recognition of linguistic correlates of sex roles. *Merril-Palmer Quarterly*. 1976. no 22, pp. 47–59.
25. Haas A. Sex-associated features of spoken language by four-, eight-, and twelve-year-old boys and girls. *Paper given at the 9th World Congress of Sociology*. Uppsala, Sweden. August 1978, pp. 14–19.
26. Minsky M. A. Framework for Representing Knowledge. *The Psychology of Computer Vision/ Patrick Henry Winston* (ed.). McGraw-Hill, New York (U.S.A.), 1975, pp. 71–77.

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Товкайло Юлия Анатольевна, аспирант кафедры русской филологии и журналистики
*Волгоградский государственный университет
просп. Университетский, 100, Волгоград, Волгоградская обл.,
400062, Российская Федерация
ulia_rua@mail.ru*

DATA ABOUT THE AUTHOR

Tovkaylo Yuliia Anatolievna, graduate student, Department of Russian Philology and Journalism
*Volgograd State University
100, Universitetsky Avenue, Volgograd, Volgograd Region,
400062, Russian Federation
ulia_rua@mail.ru*